

Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи

Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, С.В. Чигарькова
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила: 4 июня 2020/ Принята к публикации: 16 июня 2020

Types of cyberaggression: adolescents and youth experience

Galina Ur. Soldatova*, Elena I. Rasskazova, Svetlana V. Chigarkova

Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Received June 4, 2020 / Accepted for publication: June 16, 2020

Актуальность (контекст) тематики статьи. Внедрение цифровых технологий в повседневность приводит к «отцифровыванию» и трансформации различных социокультурных практик, в том числе связанных с деструктивным поведением. Широкое распространение в сети получает киберагрессия, не наносящая непосредственного физического вреда, но оказывающая продолжительное негативное воздействие на психологическое состояние участников и затрагивающая, в первую очередь, наиболее активных цифровых пользователей – подростков и молодежь.

Цель. Цель исследования – анализ соотношения офлайн- и онлайн-агрессии, распространенности различных видов киберагрессии среди подростков и молодежи, частоты столкновения с такими ситуациями и силы их негативного эмоционального переживания, а также осведомленности родителей об этом опыте своих детей.

Описание хода исследования. В исследовании приняли участие 3395 человек: 1554 подростка 12–17 лет, 736 молодых людей 18–30 лет и 1105 родителей подростков 12–17 лет из 8 федеральных округов РФ. Респонденты отвечали на вопросы, посвященные соотношению опыта онлайн- и офлайн-агрессии, оценивали частоту столкновения с ситуациями киберагрессии (флейминг, хейтинг, троллинг, киберсталкинг, кибербуллинг) и эмоциональную реакцию на них.

Результаты исследования. Школа опережает интернет в качестве пространства столкновения с враждебными ситуациями. Респонденты всех поколений считают, что человек сильнее переживает болезненные или враждебные ситуации в реальной жизни, чем онлайн. Большинство подростков сталкивается с различными видами киберагрессии. Каждый второй подросток сталкивался с тремя и более видами онлайн-агрессии, при этом старшие подростки чаще, чем подростки 12–13 лет и молодежь ($F=18.16, p<0.01, \eta^2=0.02$). Чаще всего подростки сталкиваются с флеймингом, троллингом и хейтингом, несколько реже – с кибербуллингом и киберсталкингом. Молодые люди чаще остальных сталкиваются с флеймингом. Наименее эмоционально значимыми ситуациями оказались флейминг и хейтинг. Троллинг вызывает сильные переживания у каждого третьего подростка, киберсталкинг – у каждого пятого, кибербуллинг – у каждого второго подростка. При этом родители недостаточно осведомлены об опыте столкновения детей с киберагрессией и остроте переживания ими таких ситуаций.

Заключение. Распространенность различных видов киберагрессии и степень эмоциональной реакции на них требует выработки дифференцированных подходов как к профилактике разнообразных ситуаций киберагрессии, так и к конструированию специфических стратегий совладания при столкновении с ними.

Ключевые слова: киберагрессия, подростки, молодежь, флейминг, хейтинг, троллинг, киберсталкинг, кибербуллинг

Background. Cyberaggression is widespread phenomenon in the online environment, that doesn't cause direct physical harm but has a lasting negative impact on the psychological state of participants.

Objective. The study analyzes the relationship between offline and online aggression, the prevalence of various types of cyberaggression among adolescents and youth and their emotional experience, as well as parents' awareness of it.

Design. The study comprises of 3395 participants: 1554 adolescents aged 12–17, 736 young people aged 18–30, and 1105 parents of adolescents aged 12–17 from 8 federal districts of Russia. Respondents answered questions about the relationship between online and offline aggression, the collision with cyberaggression and emotional response to it.

Results. The school is ahead of the Internet as a space of encounter with hostile situations. Most respondents believe that people are more likely to experience hostile situations in real life than online. Most adolescents face different types of cyberaggression. Adolescents are more likely to encounter flaming, trolling and cyberhate, and less likely to encounter cyberbullying and cyberstalking. Youth is more likely to encounter flaming. The least emotionally significant situations are flaming and cyberhate. Trolling causes strong feelings in every third adolescent, cyberstalking in every fifth, cyberbullying in every second. At the same time, parents are not aware of their children's experience with cyberaggression and the intensity of their experience.

Conclusion. The spread of various types of cyberaggression and the emotional response to them require the development of differentiated approaches to the prevention of various situations of cyberaggression and the development of specific coping strategies in the collision with them.

Keywords: cyberaggression, adolescents, youth, flaming, cyberhate, trolling, cyberstalking, cyberbullying

Введение

Современные подростки, их родители и молодые люди оказываются в особой социальной ситуации развития, которую можно описать как постоянно трансформирующуюся из-за внедрения цифровых технологий в различные сферы повседневной жизни. Именно подростки и молодежь находятся «на передовой» освоения

века, в том числе особенно значимую для подростков и молодежи коммуникативную деятельность (Солдатова, 2018). Цифровое пространство, в первую очередь, социальные сети становятся неотъемлемой частью самопрезентации и общения в подростковой и молодежной среде. Конструирование нового коммуникативного пространства связано не только с обретением различных возможностей, но

возникает новая форма социализации – цифровая социализация, в рамках которой технологии опосредуют различные области деятельности человека, в том числе особенно значимую для подростков и молодежи коммуникативную деятельность

цифровых технологий и воспринимают их не только как набор инструментов, но и как полноценную среду обитания и образ жизни. Возникает новая форма социализации – цифровая социализация, в рамках которой технологии опосредуют различные области деятельности чело-

и со столкновением с рисками, в том числе с киберагрессией.

Присущая человеку агрессивность, веками ограничивались параллельно с развитием культуры и цивилизации. В подростковом периоде ребенок в силу специфических особенностей психиче-

ского развития демонстрирует агрессивность, которая по степени выраженности может превышать агрессивность взрослых (Бандура, Уотерс, 2000; Реан, 1996). В процессе социализации усваиваются культурные нормы, которые ограничивают деструктивные поведенческие проявления. В рамках исторического развития человечества возникают и формируются различные культурные формы поведения, которые имеют возрастную специфику и определяются социальной ситуацией развития (Выготский, 1982). Фигура взрослого, в первую очередь, родителя, играет здесь основополагающую роль, задавая репертуар культурных практик, в том числе, практик совладания с агрессией, осваиваемых детьми в процессе социализации. Современный контекст цифровой социализации характеризуется значительным разрывом между родителями и детьми в освоении цифрового пространства, что не может не отражаться на особенностях конструирования культурных норм онлайн. Так, цифровое пространство как часть социальной ситуации развития подростка оказывается вне привычных механизмов передачи культурного опыта от взрослых к детям, что может обуславливать специфику агрессивного поведения в сети. Таким образом, важным исследовательским вопросом становится соотношение агрессии как части человеческой природы и специфичности ее проявления в онлайн-пространстве.

Определение и понимание киберагрессии невозможно без обращения к определению агрессии в офлайн. Агрессия в психологии рассматривается как мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам совместного существования людей в социуме, приносящее вред, физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт. Однако в случае с онлайн-агрессией некоторые из обозначенных в определении особенностей утрачиваются или приобретают иные формы. Онлайн-агрессия, опосредованная электронными устройствами и виртуальным пространством, может не оказывать на личность непосредственного физического воздействия. Место физического ущерба здесь могут занять «цифровые повреждения», которые незаметны для окружающих, но способны оказывать продолжительное не-

Галина Уртанбековна Солдатова –

доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова; заведующий кафедрой социальной психологии Московского института психоанализа
E-mail: soldatova.galina@gmail.com
https://istina.msu.ru/profile/Soldatova_Galina/
ORCID 0000-0002-6690-7882

Елена Игоревна Рассказова –

кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com
https://istina.msu.ru/profile/l_rasskazova/
ORCID 0000-0002-9648-5238

Светлана Вячеславна Чигарькова –

младший научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова; заместитель заведующего кафедрой социальной психологии Московского института психоанализа
E-mail: chigars@gmail.com
https://istina.msu.ru/profile/Chigarkova_Svetlana/
ORCID 0000-0001-7473-9025

гативное воздействие на психологическое состояние жертвы (Arıcak, Ozbay, 2016; Kowalski et al., 2014; Mart nez-Monteagudo et al., 2019; Wright, Wachs, 2020).

Как правило, онлайн-агрессоры и их жертвы дистанцированы друг от друга, и нередко онлайн-агрессоры сохраняют свою анонимность. В онлайн-пространстве присутствуют, за исключением физической, практически все выделяемые виды агрессии (вербальная, прямая, косвенная, инструментальная, враждебная). Большинство исследователей выделяют ряд ключевых характеристик киберагрессии: безнаказанность, анонимность, непрерывность, отсутствие пространственных границ, увеличение количества свидетелей, незаметность для взрослых, отсутствие аффективной обратной связи (Бочавер, Хломов, 2014; Heirman, Walrave, 2008; Kowalski et al., 2014; Panumaporn et al., 2020; Zimmerman, Ybarra, 2016). Часть этих характеристик, обусловленных спецификой онлайн-пространства, приводят к эффекту «токсичного онлайн-расторжения» («online disinhibition»), когда при общем владении культурными коммуникативными нормами человек может не соблюдать их онлайн (Suler, 2004; Lapidot-Lefler, Barak, 2012). В целом, киберагрессию можно определить как «намеренный вред, причиняемый посредством использования электронных устройств одному человеку или группе людей вне зависимости от возраста и воспринимаемый как оскорбительный, уничижительный, приносящий ущерб или нежелательный» (Grigg, 2010, P. 152).

Изучение феномена киберагрессии – достаточно новая область исследований, насчитывающая всего пару десятков лет и находящаяся на этапе интенсивного развития. В контексте этой темы популярны исследования, изучающие особенности и механизмы различных видов киберагрессии (Бочавер, Хломов, 2014; Солдатова, Ярмина, 2019; Fichman, Sanfillippo, 2016; Reichelmann et al., 2020; Sheldon, Rauschnabel, Honeycutt, 2019; Voggeser et al., 2017; Zych et al., 2016). Нередко эти виды дублируют друг друга, основания их выделения нечетко определены, что происходит, в том числе и по причине постоянного расширения диапазона деструктивных коммуникативных практик в сети и трансформации их содержания.

Тем не менее, анализ существующей на данный момент литературы позволяет выделить не исчерпывающие все разнообразие, но наиболее важные в контексте деструктивной коммуникации в сети виды киберагрессии: флейминг, хейтинг, троллинг, киберсталкинг и кибербуллинг.

Флейминг (flaming) можно определить как деструктивную онлайн-коммуникацию в виде агрессивных вербальных выпадов одного или нескольких участников онлайн-дискуссии (Alonzo, Aiken, 2004; Johnson et al., 2009). Флейминг приводит к разжиганию в интернете спора между собеседниками, включающего публичные оскорбления и эмоциональный обмен репликами между участниками (O'Sullivan, Flanagan, 2003). По мнению исследователей, флейминг возникает импульсивно из-за невозможности сдержать собственные эмоции и может являться защитной реакцией на воспринимаемое оскорбление (не обязательно, чтобы собеседник действительно подразумевал оскорбление) или неприемлемое мнение, выраженное другими (Voggeser et al., 2017). Наиболее распространенным местом «разжигания войны эмоций» («flame war») становятся комментарии к различному онлайн-контенту, а триггерами перехода дискуссии во флейминг зачастую становятся демонстрируемые другими комментаторами негативные нормы коммуникации, в первую очередь, нецензурная или грубая лексика (Moore, 2007). В качестве специфики флейминга хотелось бы подчеркнуть его диалогический или полилогический характер, который определяет равенство позиций участников «токсичной» дискуссии, что отличает его от других видов агрессивной онлайн-коммуникации. Еще одной характеристикой является относительная ограниченность этого вида киберагрессии во времени, подобно пламени, онлайн-спор может быть ярким, но не длительным.

Феномен троллинга (trolling) получил широкую известность в последнее десятилетие (Maltby et al., 2016). Троллинговое поведение разнообразно и продолжает постоянно развиваться (Fichman, Sanfillippo, 2016; Phillips, 2015). Троллинг представляется неоднозначным явлением и может связываться как с просоциальными по своим целям (привлечь внимание к проблеме, обнажить социальные конфликты, бросить вызов, призвать к ис-

правлению, обучить), так и асоциальными (злоупотребить информацией, обмануть, причинить вред) действиями по отношению к другим пользователям интернета (Buckels et al., 2018). В этом смысле троллинг может быть созвучен архетипу трикстера и продолжать традиции карнавальной смеховой культуры, описанной М.М. Бахтиным, воссоздавая в онлайн-пространстве практики пародирования, иронии, скоморошества и шутовства (Булатова, 2017).

Тем не менее, троллинг в большей степени исследуется как деструктивная онлайн-деятельность и может определяться как «процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтов посредством нарушения правил этического кодекса интернет-взаимодействия» (Внебрачных, 2012, С. 49). При этом троллинг может как носить достаточно грубый и примитивный характер, так и становиться своего рода искусством, воплощая мастерство, креативность и преданность делу (Dyrel, 2016). Существенной характеристикой троллинга является отсутствие потребности в диалоге, основной целью становится привлечение внимания для получения эмоциональной реакции со стороны окружающих на высказывание тролля (March et al., 2017; Sest, March, 2017). Исследователи связывают троллинг с такими психологическими механизмами, как энергетический вампиризм (Внебрачных, 2012), психопатия (Craker, March, 2016) и садизм (Buckels et al., 2018; Craker, March, 2016). Так, в исследовании связи троллинга и бытового садизма было показано, что, во-первых, и тролли, и бытовые садисты склонны преуменьшать вред, наносимый их поведением, поскольку рационализация (снижение в глазах тролля степени причиняемых жертве страданий) помогает им сохранить позитивный образ себя, во-вторых, и те, и другие действительно испытывают удовольствие от наблюдения за страданием жертвы, а чувство вины снимается опять же, благодаря рационализации (Buckels et al., 2018).

Хейтинг (hate, cyberhate) представляет собой совершение или пропаганду с помощью инфокоммуникационных технологий ненавистнических действий, направленных против какой-либо группы

или лица по признаку их пола, сексуальной ориентации, физических особенностей, расы, этнического происхождения, национальности или вероисповедания (Blaya, Audrin, 2019; Wachs et al., 2020; Reichelmann et al., 2020; Silva, 2016). Обычно поводом для хейтинга становится какая-либо социальная активность самого человека – его пост в социальной сети, выложенное фото, видеоролик или простой комментарий. Хейтинг может выражаться в оскорбительных, злобных или угрожающих высказываниях в таких онлайн-форматах, как сообщения, комментарии, видеоролики или фотографии (Celik, 2019; Costello et al., 2019; Hawdon et al., 2017; Wachs, Wright, 2018; 2019). Несмотря на то, что проявления ненависти – не новая для человечества деструктивная практика, в онлайн-пространстве данная форма агрессивного поведения набирает небывалый размах, затрагивая повседневно широкую аудиторию без возрастных границ (Wachs et al., 2020). Хейтинг выступает инструментом подавления инаковости как основы разнообразия в мире и, с эволюционной точки зрения, представляет особую опасность для массового сознания, в формировании которого в современном мире значительную роль играет онлайн-контент.

Соотношение онлайн и офлайн-агрессии, разнообразие видов киберагрессии, особенности опыта столкновения с ними и их эмоционального переживания, стратегии совладания с ними наиболее активными пользователями сети – подростками и молодежью зачастую остается вне фокуса внимания исследователей

Киберсталкинг (cyberstalking) можно определить как использование электронных средств для преследования жертвы через повторяющиеся сообщения или звонки, вызывающие страх, тревогу и раздражение (Marcum, 2017; Sheldon, Rauschnabel, Honeycutt, 2019). Б. Шпицберг и Г. Хублер предложили четыре критерия определения киберсталкинга: повторяющиеся действия, вторжение в личную жизнь жертвы, наличие угрозы жертве, наличие угрозы значимым социальным контактам жертвы, включая семью, друзей, домашних животных или имущество (Spitzberg, Hoobler, 2002). Авторы описывают 24 действия в рамках киберсталкинга, среди которых навязчивая отправка знаков внимания, попытки настоять на

личной встрече, отправка непристойных изображений, отправка угроз, сексуальное домогательство, предоставление личной информации жертвы другим людям, попытки взломать компьютер жертвы и др. В другом исследовании представлена классификация киберсталкеров (McFarlane, Vocij, 2003) – «мстительные киберсталкеры» (особо агрессивные, использующие самый широкий спектр технических средств для преследования: взлом почты, спам и т.п.), «сквозные киберсталкеры» (активно угрожают, не пытаются установить отношения с жертвой, но хотят причинить ей боль), «интимные киберсталкеры» (пытаются «завоевать» чувства и/или привлечь внимание, могут быть и бывшими друзьями/партнерами, и знакомыми); «коллективные киберсталкеры» (группа людей, совместно преследующих жертву) (McFarlane, Vocij, 2003).

Одним из наиболее сложных и привлекающих внимание исследователей является феномен кибербуллинга. Во многом применение термина «кибербуллинг» связано с изучением изменившегося в связи с развитием информационно-коммуникативных технологий феномена буллинга как особого типа агрессии, отличающегося преднамеренностью, повторяемостью и дисбалансом власти и силы. Согласно

наиболее общепринятому определению, кибербуллинг – это агрессивные, умышленные, продолжительные во времени действия, совершаемые группой лиц или одним лицом с использованием электронных форм контакта и повторяющиеся неоднократно в отношении жертвы, которой трудно защититься (Солдатова, Ярмина, 2019; Patchin, Hinduja, 2006; Smith et al., 2008; Tokunaga, 2010). Хотя и отмечается, что названные критерии кибербуллинга являются дискуссионными, многие исследователи кибербуллинга придерживаются позиции, что он является особым типом агрессивного поведения, представляющего одну из форм киберагрессии в целом (Zych et al., 2016). Существует также мнение, согласно которому во многих

исследованиях, посвященных кибербуллингу, на самом деле изучается более широкий феномен киберагрессии (Bauman, Underwood, Card, 2013; Menesini et al., 2012). На наш взгляд, кибербуллинг необходимо рассматривать как отдельный вид киберагрессии, поскольку он имеет ряд специфических характеристик, дополняющих перечисленные выше особенности агрессии в онлайн-пространстве: непредсказуемость и неожиданность совершаемых агрессивных действий в связи с неограниченным и повсеместным доступом онлайн и одновременным использованием широкого спектра онлайн-платформ; достаточность совершения всего лишь одного агрессивного акта для достижения эффекта систематической травли; изолированность свидетелей друг от друга и от жертвы, что частично воспроизводит и придает свою специфику известному в психологии «эффекту свидетеля», определяющему одиночное противостояние жертвы агрессивным действиям со стороны обидчика; стимулирование механизма инверсии в ролевой структуре – агрессор становится жертвой, а жертва – искусным агрессором, свидетели могут стать как жертвами, так и агрессорами; неравенство сил в онлайн-пространстве, определяющееся, в том числе различиями в уровне развития цифровой компетентности участников ситуации (Солдатова, Ярмина, 2019).

Соотношение онлайн и офлайн-агрессии, разнообразие видов киберагрессии, особенности опыта столкновения с ними и их эмоционального переживания, стратегии совладания с ними наиболее активными пользователями сети – подростками и молодежью зачастую остается вне фокуса внимания исследователей. При этом столкновение с различными коммуникативными онлайн-рисками в представленных возрастных группах становится все более актуальной проблемой российского общества (Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017; Солдатова и др., 2019). В нашей работе мы ставим целью анализ соотношения офлайн и онлайн-агрессии, распространенности различных видов киберагрессии среди подростков и молодежи, частоты столкновения с такими ситуациями и силы их негативного эмоционального переживания, а также осведомленности родителей об этом опыте своих детей.

Проведение исследования

Исследование проводилось на основе социально-психологических опросников, специально разработанных в соответствии с возрастными психологическими особенностями 4-х возрастных групп: подростков в возрасте 12–13 лет, подростков в возрасте 14–17 лет, родителей подростков этих возрастов, а также молодежи (18–30 лет). Опросники включали в себя несколько блоков вопросов, а также специальные психологические методы и методические приемы.

1. Для оценки общего уровня безопасности и опыта столкновения с агрессией в различных жизненных сферах респондентам задавались три вопроса для сравнения офлайн и онлайн-агрессии:

- 1) «Оцените уровень опасности в разных местах: в мире, стране, городе, на улице, в школе, в интернете, дома» (ответы по 6-балльной шкале от «очень опасно» до «совершенно безопасно»);
- 2) «Почти каждый человек в своей жизни сталкивается с неприятными, болезненными или враждебными ситуациями. Отметьте, как часто Вы попадали в такие ситуации: в школе, на улице, дома, в общественном транспорте, по мобильному телефону (звонки), в интернете» (ответы «часто», «редко», «никогда»);
- 3) «Как Вы думаете, где неприятные, болезненные и враждебные ситуации человек переживает сильнее?» (варианты ответов: «в интернете», «в реальной жизни», «и в интернете, и в реальной жизни одинаково сильно», «затрудняюсь ответить»).

2. Для диагностики опыта столкновения с различными ситуациями киберагрессии использовался метод виньеток. Виньетка представляет собой описание определенной социальной ситуации, которая оценивается респондентом по ряду параметров (Григорян, Гуринова, 2016). Респондентам предъявлялся набор из пяти виньеток, созданных на основе анализа литературы, прошедших экспертную оценку и описывающих ситуации киберагрессии:

Флейминг: «Ваня посмотрел видео и оставил комментарий под ним, что ему оно очень понравилось. Маша, посмотрев

это же видео, нашла его отвратительным и написала об этом в своем комментарии. Между ними завязалась перепалка, в ход пошли грубые выражения и злобные эмоджи. К ним присоединились и другие пользователи, кто-то был за Машу, кто-то за Ваню. Через какое-то время страсти утихли, и шумиха под видео закончилась».

Троллинг: «Соня ела в столовой суп. Коля ее сфотографировал и сделал из этого мем. Затем он опубликовал мем на странице группы класса в социальной сети. В комментариях несколько одноклассников стали обидно насмехаться, подкалывать и провоцировать Соню. Спустя несколько дней об этом все забыли».

Хейтинг: «Федор ведет свой блог о кино. Он делает рецензии на новые фильмы. Однажды он опубликовал свой отзыв о фильме про зомби. Неожиданно для него некоторые незнакомцы стали писать ненавистнические и злые комментарии, обвиняя его в том, что он ни в чем не разбирается, тем более в кино».

Киберсталкинг: «Оля пообщалась на форуме по интересам с незнакомцем. Через некоторое время Оле стали постоянно приходиться от него сообщения в одной социальной сети. Она не хотела продолжать общаться с ним и не отвечала. Незнакомец стал преследовать ее в других сетях и мессенджерах и даже писал в личку ее близким и друзьям».

Кибербуллинг: «Одноклассники Димы создали группу «Истории Димы Кошкина» в популярной социальной сети. В ней они пишут насмешливые и издевательские

истории о нем. Они выложили его фотографии, которые взяли с его странички и сделали гадкие подписи. Они не успокаиваются, каждый день выкладывают все новые гадкие истории и приглашают в группу его друзей из социальной сети».

После ознакомления с каждой ситуацией в виньетке респондент отвечал на ряд вопросов: «Были ли Вы на месте кого-то из участников подобной ситуации?» (выбор конкретной роли или нескольких ролей в каждой ситуации); «Как часто Вы участвовали или наблюдали подобные ситуации?» (оценка по 5-балльной шкале от «часто» до «никогда»); «Насколько сильно Вы бы расстроились, если бы попали в подобную ситуацию?» (ответы по 5-балльной шкале от «очень сильно» до «совершенно нет»). Родители отвечали на данные вопросы по отношению к своим детям (напр., «Был ли Ваш ребенок на месте кого-то из участников подобной ситуации?»). По сравнению с опросниками, метод виньеток позволяет снизить уровень социальной желательности и воссоздать определенный социальный контекст, что позволяет более полно исследовать феномен (Jasso, 2006).

В исследовании приняли участие 3395 человек: 1029 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, 525 подростков в возрасте от 12 до 13 лет, 736 молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет и 1105 родителей подростков 12–17 лет из 8 федеральных округов РФ. Среди родителей преобладали матери (табл. 1); остальные возрастные группы были распределены по полу практически равномерно.

Табл. 1. Гендерные и возрастные особенности респондентов разных выборок

Группы	Мужчин, кол-во (%)	Женщин, кол-во (%)	Пол не указан, кол-во (%)	Средний возраст ± Ст. откл.
Подростки 14-17 лет	484 (47.0%)	535 (52.0%)	10 (1.0%)	15.47±1.09 лет
Подростки 12-13 лет	240 (45.7%)	279 (53.1%)	6 (1.1%)	12.42±0.58 лет
Молодежь	300 (40.8%)	436 (59.2%)	0 (0%)	23.33±3.90 лет
Родители подростков	214 (19.4%)	877 (79.4%)	14 (1.3%)	41.21±5.63 лет

Table 1. Gender and age characteristics of respondents in different samples

Groups	Male (%)	Female (%)	No gender listed (%)	Mean age ± Standard deviation
Adolescents aged 14-17 years	484 (47.0%)	535 (52.0%)	10 (1.0%)	15.47±1.09 лет
Adolescents aged 12-13 years	240 (45.7%)	279 (53.1%)	6 (1.1%)	12.42±0.58 лет
Youth	300 (40.8%)	436 (59.2%)	0 (0%)	23.33±3.90 лет
Parents	214 (19.4%)	877 (79.4%)	14 (1.3%)	41.21±5.63 лет

Табл. 2. Оценка уровня опасности в различных местах

Субъективная оценка уровня опасности (по шкале от 1 до 7)	Подростки 14-17 лет		Молодежь		Родители		F критерий Фишера	Величина стат. эффекта η ²
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.		
В мире	5.09	1.54	4.96	1.33	5.15	1.37	3.92*	0.00
В стране	4.67	1.50	4.59	1.32	4.58	1.39	0.92	0,00
В городе	4.24	1.49	4.15	1.37	4.35	1.30	4.08*	0.00
На улице	4.21	1.52	4.11	1.38	4.42	1.29	12.13**	0.01
В интернете	3.53	1.72	3.67	1.51	4.56	1.44	124.96**	0.08
В школе	3.01	1.51	3.22	1.34	3.17	1.23	7.05**	0.01
Дома	1.89	1.30	1.95	1.08	1.92	1.04	0.48	0.00

Значимость различий на уровне * – p<0.05, ** – p<0.01.

Table 2. Risk level assessment in different places

Subjective risk level assessment (on a scale of 1 to 7)	Adolescents aged 14-17 years		Youth		Parents		F-test	Effect size η ²
	Mean	Standard deviation	Mean	Standard deviation	Mean	Standard deviation		
In the world	5.09	1.54	4.96	1.33	5.15	1.37	3.92*	0.00
In the country	4.67	1.50	4.59	1.32	4.58	1.39	0.92	0,00
In the city	4.24	1.49	4.15	1.37	4.35	1.30	4.08*	0.00
On the street	4.21	1.52	4.11	1.38	4.42	1.29	12.13**	0.01
On the Internet	3.53	1.72	3.67	1.51	4.56	1.44	24.96**	0.08
At school	3.01	1.51	3.22	1.34	3.17	1.23	7.05**	0.01
At home	1.89	1.30	1.95	1.08	1.92	1.04	0.48	0.00

Significance level * – p<0.05, ** – p<0.01.

Опрос проводился Фондом развития с 10 декабря 2017 г. по 10 января 2018 г. по многоступенчатому стратифицированному репрезентативным выборкам подростков в возрасте 12–17 лет, родителей, имеющих детей 12–17-летнего возраста, представителей молодежи 18–30 лет, проживающих

в городах России с населением от 100 тысяч человек и более. Для проведения исследования было отобрано 20 городов из 8 федеральных округов Российской Федерации: Южного (Ростов-на-Дону, Волгоград), Приволжского (Казань, Киров), Сибирского (Кемерово, Новосибирск),

Дальневосточного (Магадан, Петропавловск-Камчатский, Хабаровск), Северо-Кавказского (Махачкала, Владикавказ), Северо-Западного (Санкт-Петербург, Вологда), Центрального (Москва, города Московской области), Уральского (Тюмень, Екатеринбург). Выборки подростков, родителей подростков и молодежи были равнозначны между отобранными городами, кроме Москвы и Московской области, в которых было набрано больше установленной нормы.

Опрос проводился методом личного интервью по анкетам для каждой возрастной группы 68 опытными интервьюерами-психологами.

Обработка данных проводилась в программе SPSS 23.0 на основе методов описательной статистики, процедур корреляционного анализа и сравнения групп. Во всех случаях сопоставления переменных использовались как параметрические, так и непараметрические методы, результаты которых затем сравнивались. Поскольку во всех случаях результаты были согласованы, далее приводятся только параметрические показатели.

Результаты и обсуждение

Соотношение онлайн и офлайн-агрессии.

Как старшие подростки, так и молодежь считают интернет относительно безопасным местом – более безопасным, чем улица, но более опасным, чем хоро-

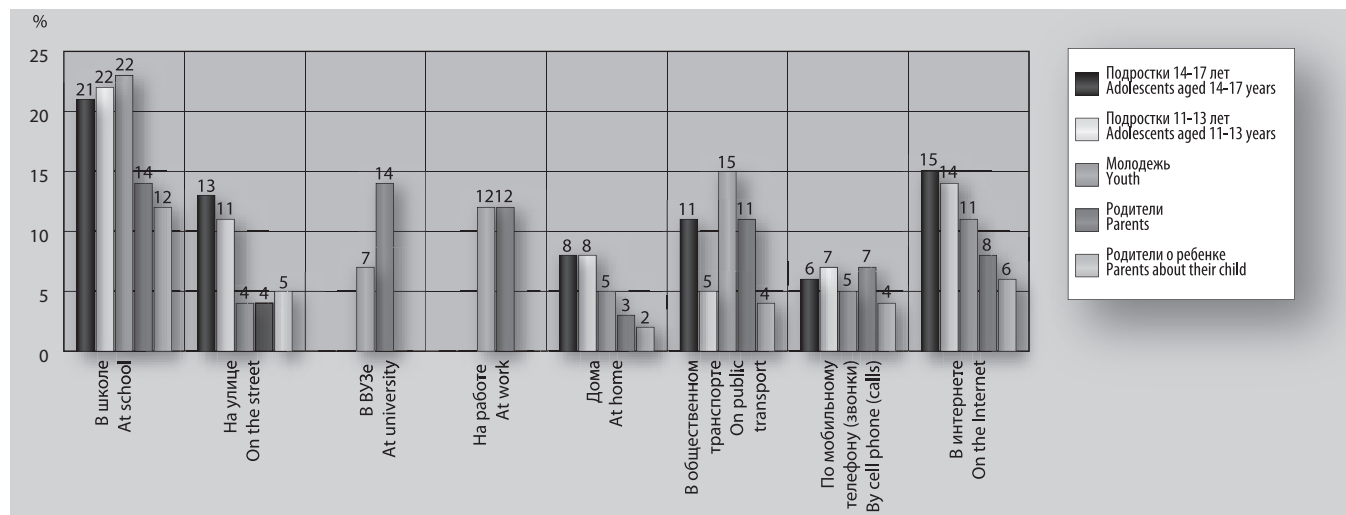
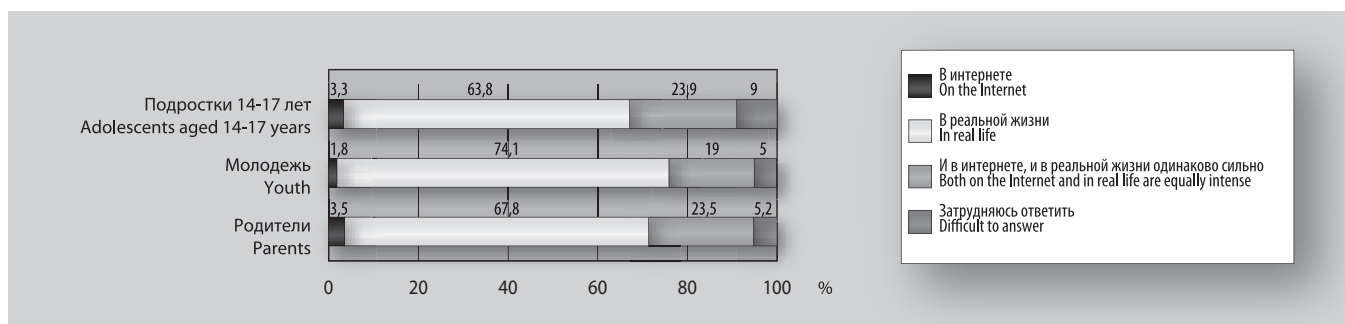

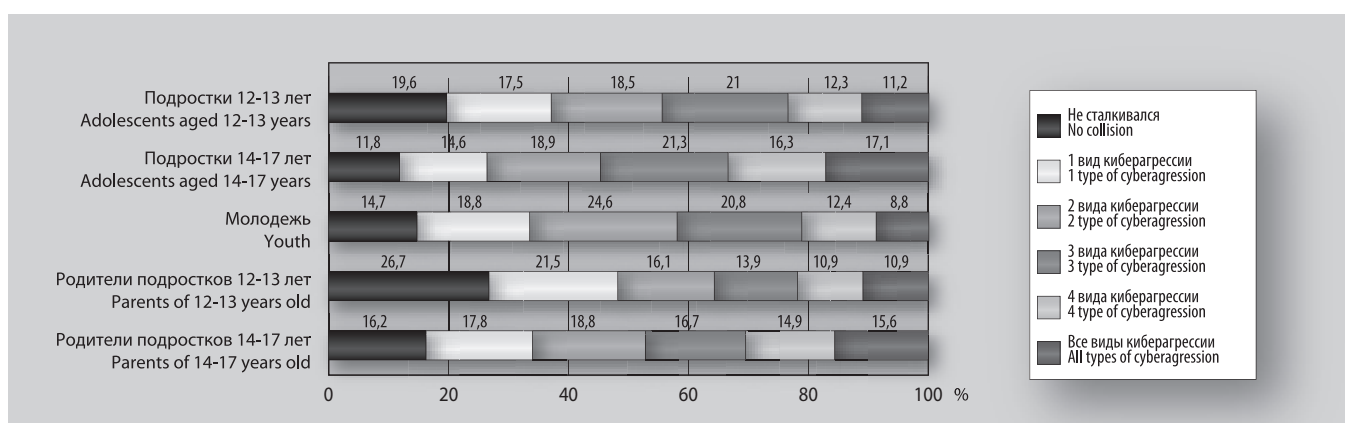
Рис. 1. Столкновение с неприятными, болезненными, враждебными ситуациями в разных местах, %

Fig. 1. Encounter with unpleasant, painful, hostile situations in different places, %

Рис. 2. Распределение частот ответов на вопрос о том, где неприятные, болезненные или враждебные ситуации человек переживает сильнее – в он-лайн или офлайн, %

Fig. 2. Frequency of answers to the question about where unpleasant, painful or hostile situations a person experiences more strongly – online or offline, %

Рис. 3. Количество видов киберагрессии, с которыми сталкиваются в разных ролях представители разных возрастных групп, %

Fig. 3. Amount of types of cyberaggression encountered in different roles by representatives of different age groups, %

шо освоенные места: школа и дом (табл. 2). Напротив, по оценкам родителей, интернет занимает третье по опасности место после мира и страны, обгоняя по этому показателю даже город и улицу. Иными словами, оценивая интернет, родители опасаются его негативного влияния на своего ребенка даже в большей степени, чем влияния улицы, тогда как сами подростки и молодежь, считают его относительно безопасным местом.

По результатам факторного анализа в трех выборках: подростков 14–17 лет, молодежи и родителей можно выделить двухфакторную структуру, включающую факторы опасности/безопасности в неограниченных пространствах (мир, страна, город, улица) и знакомых локальных ситуациях (школа, дом). При этом у подростков и молодежи интернет относится к фактору знакомых мест, а у родителей – незнакомых.

Несмотря на оценку опасности в школе как минимальную, все респонденты признают ее «лидером» среди источников частых неприятных, болезненных

и враждебных ситуаций (рис. 1). Интересно, что родители говорят об этом значительно реже как в отношении себя, так и в отношении ребенка, нежели представители молодежи. Возможно, взгляд на школу с рождением ребенка меняется, что связано и с иной оценкой своего школьного опыта. Для взрослых следующие места, как частым источникам неприятных ситуаций, принадлежат вузу, работе, общественному транспорту. Менее чем один родитель из 10 говорит, что часто сталкивался сам с такими ситуациями в интернете. Однако, по мнению подростков, интернет занимает второе место – сразу после школы – в качестве источника болезненного и враждебного опыта.

При этом большинство респондентов всех поколений считают, что человек сильнее переживает неприятные, болезненные или враждебные ситуации в реальной жизни (рис. 2). В то же время каждый четвертый респондент говорит о том, что события в интернете могут стать причиной не меньших переживаний, чем события в реальной жизни.

Распространенность разных видов киберагрессии.

Большинство подростков (86 %) в той или иной роли, чаще как наблюдатели сталкиваются хотя бы с одним из рассматриваемых видов агрессии (рис. 3). Лишь одному из семи подростков повезло не встретиться в сети с агрессией. Каждый второй подросток сталкивался с тремя и более видами онлайн-агрессии, среди молодежи – каждый третий. Старшие подростки встречаются с различными видами киберагрессии значимо чаще, чем подростки 12–13 лет и молодежь ($F=18,16$, $p<0,01$, $\eta^2=0,02$, по критерию Шеффе различия значимы на уровне $p<0,01$). При этом пятая часть родителей пребывает в полной уверенности, что их дети вообще не сталкиваются с онлайн-агрессией.

Таким образом, мы можем говорить о высокой распространенности агрессии в онлайн-среде, а также о недостаточной осведомленности родителей о таком опыте у своих детей.

Обратимся к анализу столкновения с отдельными видами киберагрессии

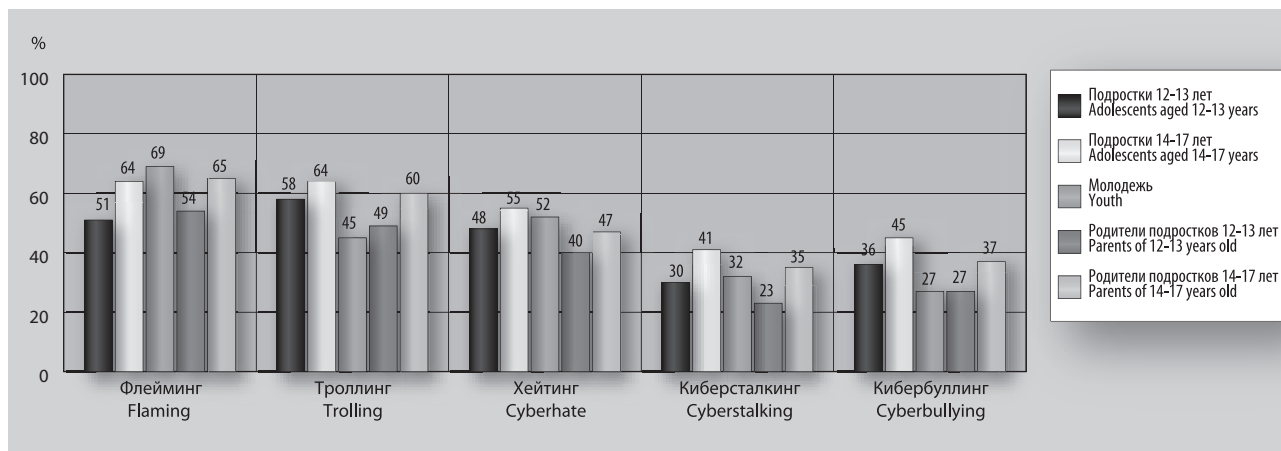

Рис. 4. Распространенность видов киберагрессии среди разных возрастных групп, %

Fig. 4. Cyberaggressive types spread among different age groups, %.

(рис. 4). Более половины подростков в возрасте 12–13 лет знакомы с флеймингом, после 14 лет эта цифра увеличивается до двух человек из трех (рис. 4). Столь же хорошо известен подросткам троллинг, а с хейтингом знаком каждый второй подросток молодой человек. Киберсталкинг и кибербуллинг в форме групп ненависти – менее распространенные явления, тем не менее, каждый четвертый, а порой и каждый третий подросток 12–13 лет сталкивался с такими ситуациями. Заметим, что эта вероятность практически та же, что и у молодежи, а подростки 14–17 лет сталкиваются с преследованиями и травлей через интернет еще чаще – почти в половине случаев.

Единственный вид киберагрессии, с которым все чаще встречаются подростки по мере взросления, и который родители оценивают примерно так же как и их дети, – флейминг. В отличие от других видов, флейминг, который можно отнести

к типу импульсивной (по Л. Берковицу) или экспрессивной (по С. Фешбаху) агрессии, в наименьшей степени направлен против самого человека. «Пусковым крючком» для флейминга часто является именно расхождение во взглядах на какую-то проблему. «На личности» оппоненты, как правило, переходят позже, и тогда ситуация может перейти в другой статус. О флейминге легче рассказать, он менее сопряжен с чувством вины и стыда, в нем легче признаться, поскольку он не столь социально порицаем. Возможно, именно поэтому родители неплохо о нем осведомлены. Если описывать киберагрессию как то, с чем рано или поздно может столкнуться каждый – это описание подходит именно к флеймингу.

Все остальные виды киберагрессии – троллинг; хейтинг; сталкинг и кибербуллинг, которые можно в целом отнести к инструментальной, иногда к проактивной агрессии, недооцениваются ро-

дителями, хотя расхождение в ответах с подростками не столь велико (статистические эффекты слабые по величине во всех случаях, $\chi^2=23.55-65.64$, $p<0.01$, V Крамера = 0.08-0.14).

Частота столкновения и эмоциональная реакция на разные виды киберагрессии.

Обратимся теперь к анализу частоты столкновений и эмоциональных реакций на разные виды киберагрессии (табл. 3). Что в большей, а что в меньшей степени травматично для подростков и молодых людей? Насколько родители адекватно оценивают эти риски?

Флейминг. Каждый третий подросток 12–13 лет иногда или часто в той или иной роли участвует в ситуации флейминга, к 14–17 годам – это уже почти каждый третий, а к юношескому возрасту – каждый второй и чаще. Те же из родителей, которые отвечают на этот вопрос о своих

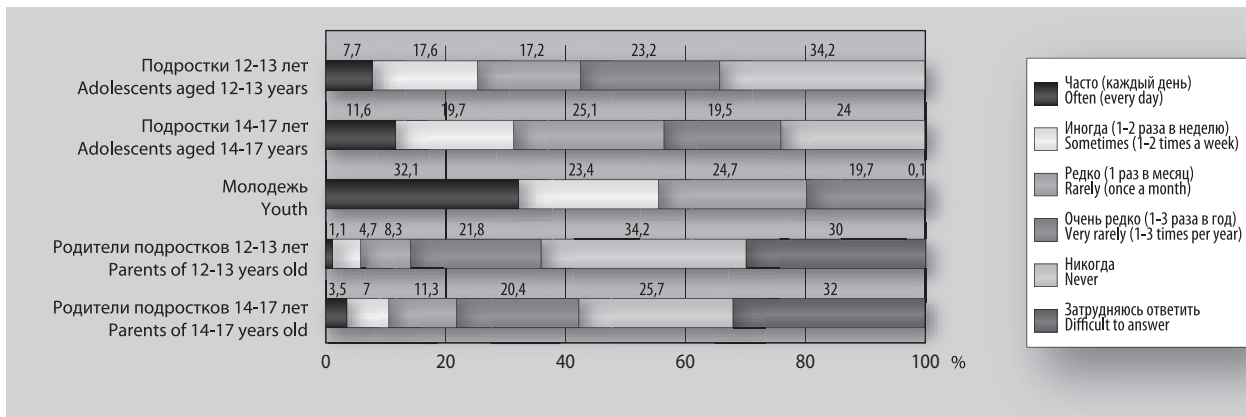

Рис. 5. Частота столкновения с флеймингом, %

Fig. 5. Frequency of encounter with flaming, %

Табл. 3. Сравнение групп подростков, молодежи и родителей по частоте столкновения с различными видами киберагрессии и эмоциональной реакции на них.

Частота разных видов киберагрессии и сила эмоциональной реакции	Флейминг		Троллинг		Хейтинг		Киберсталкинг		Кибербуллинг	
	χ^2 Пирсона	Стат. эффект V Крамера	χ^2 Пирсона	Стат. эффект V Крамера	χ^2 Пирсона	Стат. эффект V Крамера	χ^2 Пирсона	Стат. эффект V Крамера	χ^2 Пирсона	Стат. эффект V Крамера
Насколько часто сталкивались	648.06**	0.23	210.22**	0.13	186.04**	0.12	169.00**	0.12	165.21**	0.12
Насколько сильно расстроились	230.51**	0.14	604.90**	0.22	533.36**	0.21	147.58**	0.12	82.91**	0.09

** – $p < 0.01$ **Table 3.** Comparison of adolescents, youth, and parents groups in terms of frequency of encounters with different types of cyberaggression and emotional reactions to them.

Frequency of different types of cyberaggression and emotional reactions to them	Flaming		Trolling		Cyberhate		Cyberstalking		Cyberbullying	
	Pearson χ^2	Cramer's V	Pearson χ^2	Cramer's V	Pearson χ^2	Cramer's V	Pearson χ^2	Cramer's V	Pearson χ^2	Cramer's V
How often have you encountered	648.06**	0.23	210.22**	0.13	186.04**	0.12	169.00**	0.12	165.21**	0.12
How strongly upset were you	230.51**	0.14	604.90**	0.22	533.36**	0.21	147.58**	0.12	82.91**	0.09

** – $p < 0.01$

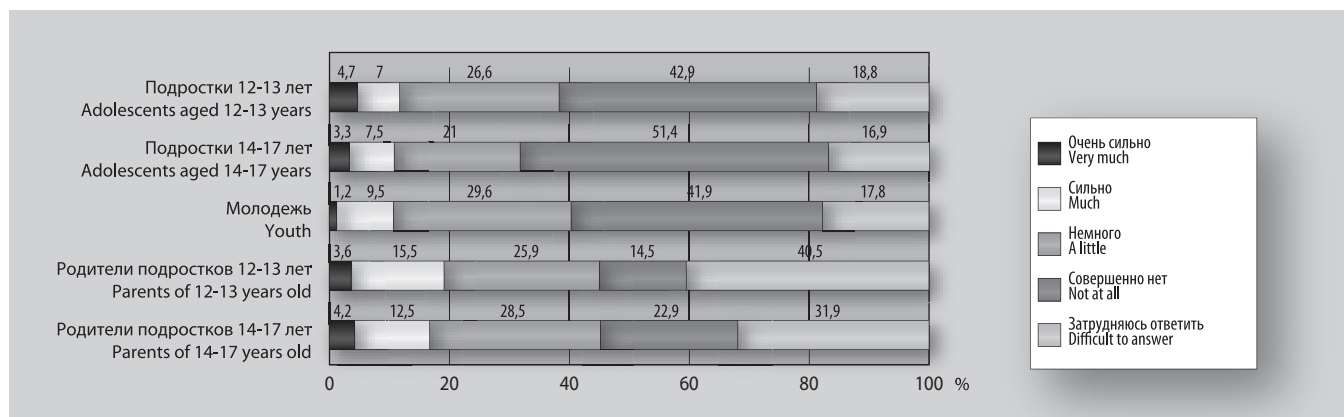
детях, в серьезной степени недооценивают ситуацию (рис. 5).

Нельзя сказать, что флейминг чрезмерно травматичен для подростков – почти в половине случаев подростки и молодежь говорят, что не расстроились бы, попав в ситуацию флейминга даже в качестве главного пострадавшего. Тем не менее, каждый третий чувствует себя хотя бы немного задетым за живое, а каждый десятый сильно переживает. Тот факт, что это соотношение почти не меняется с возрастом, говорит о наличии стабильного количества подростков и молодых людей, для которых ситуация флейминга представляет потенциальный риск для

их благополучия и может отражаться на их жизни. С практической точки зрения, это означает, что один подросток из десяти – в группе риска, с которой важно проводить профилактическую работу, и для которой желательно организовывать получение психологической помощи. Родители, недооценивая риск флейминга и частоту его встречаемости, немного переоценивают его эмоциональную значимость для своих детей (рис. 6).

Троллинг: Если риск столкновения с флеймингом нарастает по мере вступления подростков «во взрослую жизнь», то троллинг, по всей видимости, – явление особенно распространенное среди подростков (рис. 7). Один из шести подрост-

ков попадает в эту ситуацию иногда или часто, почти каждый второй (среди подростков 12–13 лет каждый третий) – хотя бы раз в месяц. Каждый двадцатый отметил, что сталкивается с подобными ситуациями каждый день. Только треть подростков не сталкиваются с ситуациями такого типа. Среди представителей молодежи таких уже больше – уже каждый второй не был свидетелем или участником похожих ситуаций. К сожалению, свыше 60% родителей считают, что их дети не встречались с ситуациями троллинга, или просто затрудняются ответить, встречались ли. А это означает, что взрослым трудно адекватно оценить ситуацию и выбрать нужную стратегию помощи при троллинге.

Рис. 6. Эмоциональная реакция на флейминг – ответы на вопрос: «Насколько сильно расстроился бы, если бы попал в ситуацию флейминга в основной роли?», %**Fig. 6.** Emotional reaction to flaming: how badly would you be upset if you got into the situation of flaming in the leading role, %

Для цитирования: Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 2(38). – С. 3–20. doi: 10.11621/npj.2020.0201

For citation: Soldatova G.Ur., Rasskazova E.I., Chigarkova S.V. Types of cyberaggression: adolescents and youth experience. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], (13)2, 3–20. doi: 10.11621/npj.2020.0201

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2020
© Russian Psychological Society, 2020

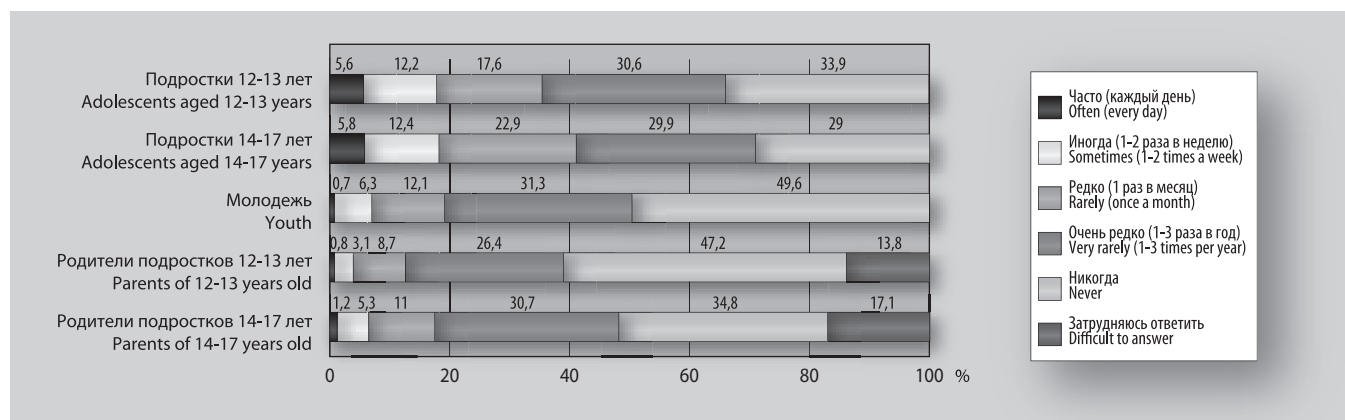

Рис. 7. Частота столкновения с троллингом, %

Fig. 7. Frequency of encounter with trolling, %

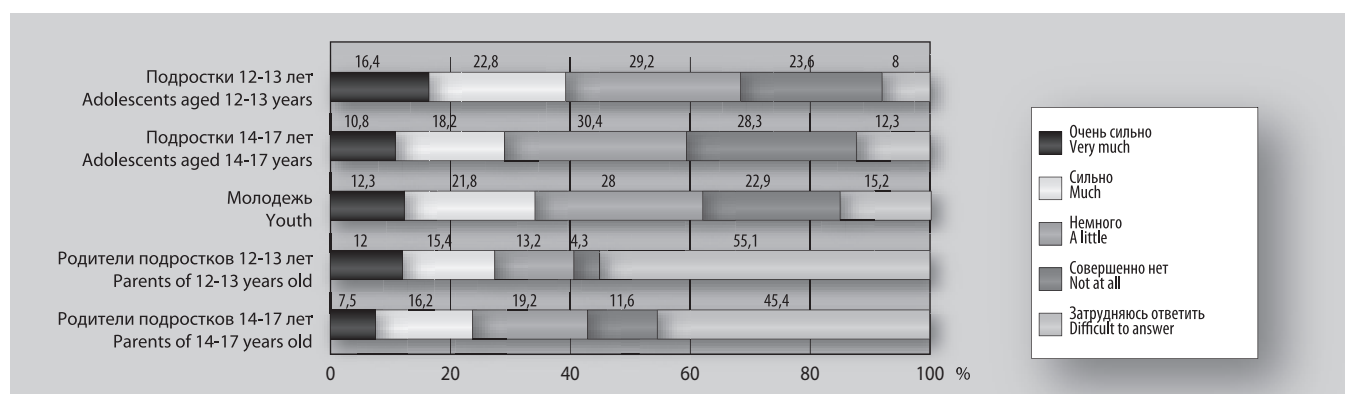

Рис. 8. Эмоциональная реакция на троллинг – ответы на вопрос: «Насколько сильно расстроился бы, если бы попал в ситуацию троллинга в роли «жертвы», %

Fig. 8. Emotional reaction to trolling: how badly would you be upset if you got into the situation of trolling as a "victim", %

Эмоциональная реакция на троллинг выражена сильнее, чем на флейминг и практически не снижается с возрастом – сильно или очень сильно расстроился бы каждый третий подросток или молодой человек, попавший в положение «жертвы» троллинга (рис. 8).

В отличие от ситуации флейминга, в ситуации троллинга особое внимание привлекает отношение родителей. Хотя теперь родители не переоценивают травматичность ситуации для своих детей, каждый второй вообще затрудняется ответить, как отреагирует ребенок. Заметим, что речь идет об эмоционально значимой ситуации, в которую, по мнению самих родителей, половина детей попадала хоть раз в той или иной роли. Означает ли это, что родители не придают значения угрозе троллинга для их детей и не считают важным думать об этом? В психологии описан и обратный механизм игнорирования риска – когда тревога родителей настолько неприятна им, что они стараются

не думать о возможном риске, по принципу «вдруг обойдется». Избегание дает кратковременное ощущение защиты, но в долгосрочной перспективе лишь усиливает тревогу, не давая родителям вовремя вмешаться и предотвратить угрозу или помочь подростку научиться действовать в ситуации троллинга.

Хейтинг. Столкновений с хейтингом немного меньше у подростков и немного больше у молодежи, по сравнению с троллингом, практически столько же, сколько с троллингом. Хотя это нечастое явление, каждый шестой-седьмой подросток сталкивается с ним регулярно (часто или иногда), а каждый третий (14–17 лет) и каждый четвертый (12–13 лет) хотя бы раз в месяц (рис. 9). В отличие от троллинга, хейтинг знаком юношам и девушкам почти столь же хорошо, как и подросткам. Тем более неожиданным выглядит тот выявленный факт, что родители о хейтинге знают еще реже, чем о троллинге – большинство

(в среднем 76,7%) из них либо уверены, что их ребенок не сталкивался ни с чем подобным, либо затруднились ответить на этот вопрос.

Хейтинг не столь эмоционально значим, как, например, троллинг (рис. 10). Тем не менее, каждый десятый молодой человек сильно или очень сильно переживает такую ситуацию, а среди подростков 12–13 лет один подросток из шести может нуждаться в помощи и профилактической работе по поводу возможного или случившегося столкновения с хейтингом. Как и в ситуации троллинга, при рассмотрении ответов родителей, выясняется их неведение в этой проблеме – больше половины родителей затрудняются дать ответ на вопрос об эмоциональной реакции своих детей на хейтинг. При этом каждый седьмой родитель оценивает относительно точно частоту сильных и очень сильных эмоциональных реакций, а каждый четвертый – недооценивает частоту ответов «немного» и «совершенно нет».

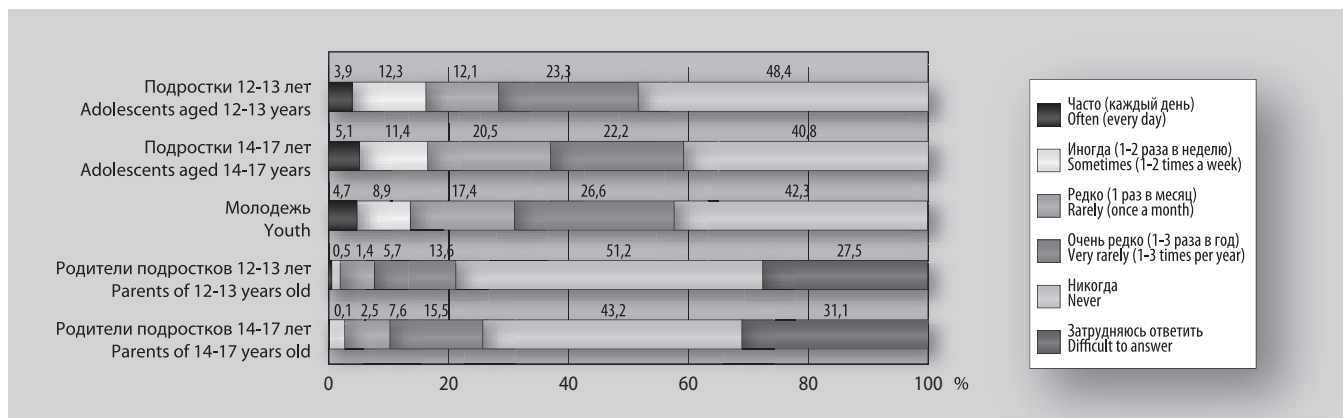

Рис. 9. Частота столкновения с хейтингом, %

Fig. 9. Frequency of encounter with cyberhate, %

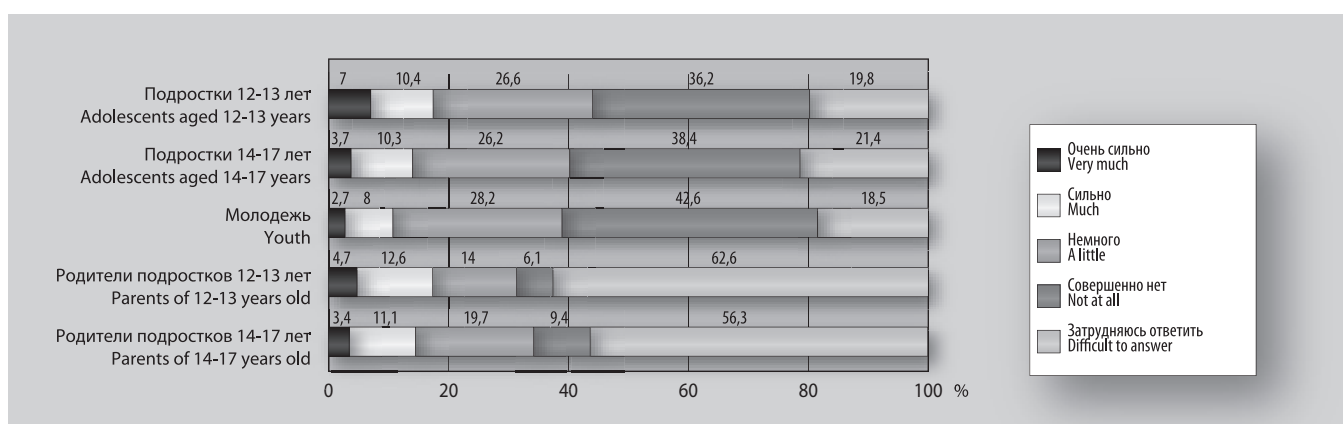

Рис. 10. Эмоциональная реакция на хейтинг – ответы на вопрос: «Насколько сильно расстроился бы, если бы попал в ситуацию хейтинга в роли «жертвы», %

Fig. 10. Emotional reaction to cyberhate: how badly would you be upset if you got into the situation of cyberhate as a "victim", %

Киберсталкинг. По сравнению с другими видами киберагрессии, киберсталкинг – самый нераспространенный вид по данным нашего исследования (рис. 11). Результаты свидетельствуют о том, что каждый двадцатый подросток достаточно часто или иногда (1–2 раза в неделю) встречается с такой ситуацией. Кроме того, каждый третий 12–13-летний и почти каждый второй 14–17-летний был в той или иной роли свидетелем такой ситуации. На наш взгляд, эти данные требуют специального исследования, потому что, во-первых, проблема встреч с незнакомцами из интернета в подростковой среде стоит достаточно остро. Киберсталкинг особенно опасен, если учесть высокую готовность российских подростков встретиться лично с онлайн-знакомыми и делиться личной информацией (Солдатова и соавт., 2013; Солдатова, 2018). Во-вторых, возникают закономерные вопросы: как подростки могут провоциро-

вать киберсталкинг, и как – противостоять ему? Отметим, что киберсталкинг опасен еще тем, что он способен легко перерасти в сталкинг в реальной жизни.

Большинство родителей уверены, что их ребенок не сталкивался с киберсталкингом, и, по-видимому, это в целом соответствует действительности. Каждый пятый сомневается, и лишь немногие знают о столкновении детей с киберсталкингом. Как и в случае других видов киберагрессии, здесь имеет место недооценка риска – среди подростков 12–13 лет сталкивается с киберсталкингом каждый третий, а знает об этом лишь один родитель из восьми. Отметим, что для современной молодежи киберсталкинг менее актуальное явление, чем для старших подростков. Родители же знают о таких ситуациях лишь в одном случае из шести.

Киберсталкинг – почти настолько же эмоционально значимая для подростков ситуация, как и троллинг (рис. 12). Каж-

дый пятый подросток сильно или очень сильно расстраивается, столкнувшись с ним, а среди взрослых молодых людей эти реакции выражены еще в большей мере. Родители немного переоценивают эмоциональную значимость киберсталкинга для своих детей, но, как и в отношении других видов киберагрессии, очень часто затрудняются оценить возможную эмоциональную реакцию на данную ситуацию. Появление во всех группах выборки достаточно большой доли респондентов, затруднившихся ответить на вопрос о своей эмоциональной реакции, свидетельствует о том, что эта ситуация наиболее эмоционально непроработана и поэтому также требует особого внимания при практической работе с подростками.

Кибербуллинг. В виньетке, посвященной кибербуллингу, как и в других случаях, рассматривается конкретная ситуация создания группы ненависти – одной из форм травли в интернете. По сравнению

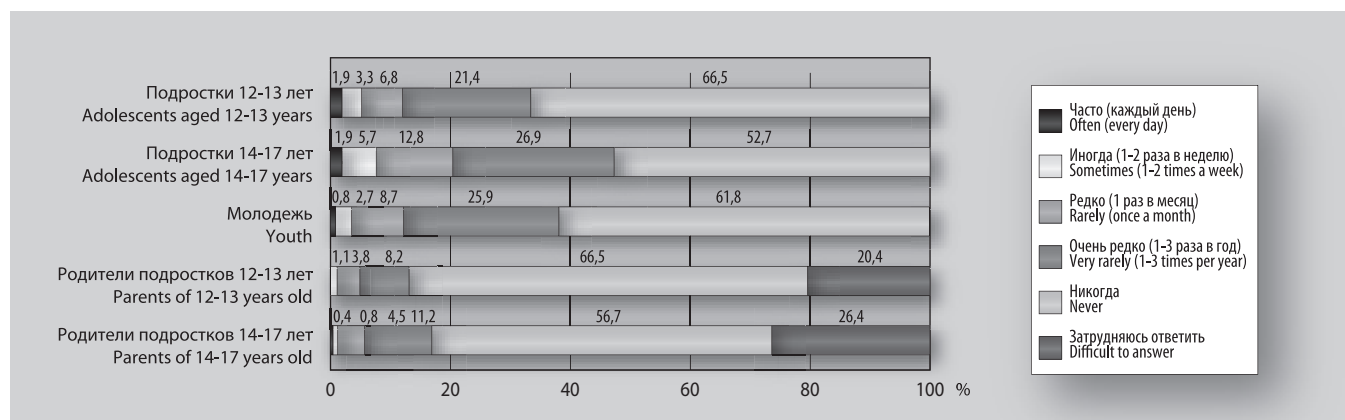

Рис. 11. Частота столкновения с киберсталкингом, %

Fig. 11. Frequency of encounter with cyberstalking, %

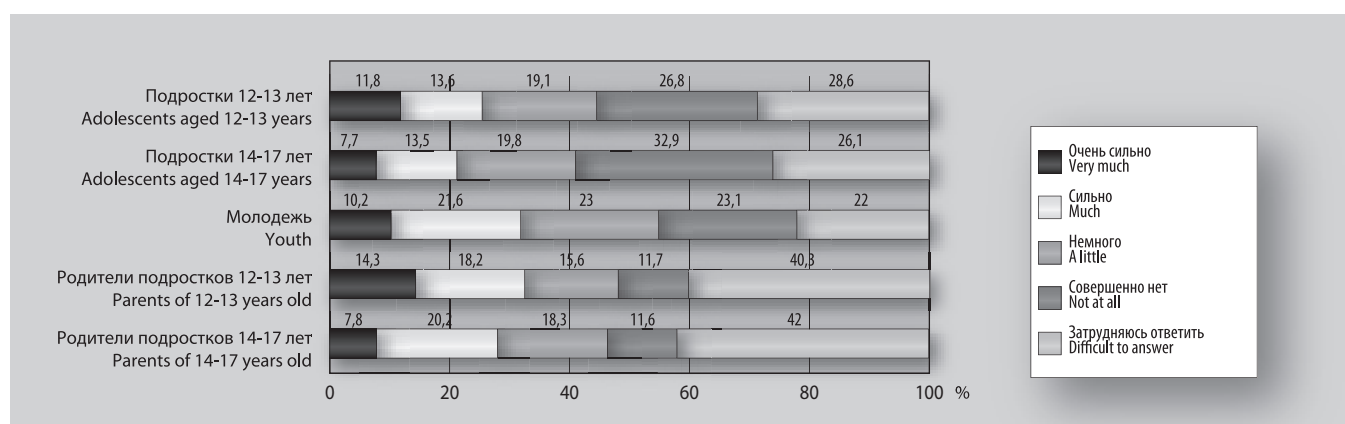

Рис. 12. Эмоциональная реакция на киберсталкинг – ответы на вопрос: «Насколько сильно расстроился бы, если бы попал в ситуацию киберсталкинга в роли «жертвы», %

Fig. 12. Emotional reaction to cyberstalking: how badly would you be upset if you got into the situation of cyberstalking as a “victim”, %

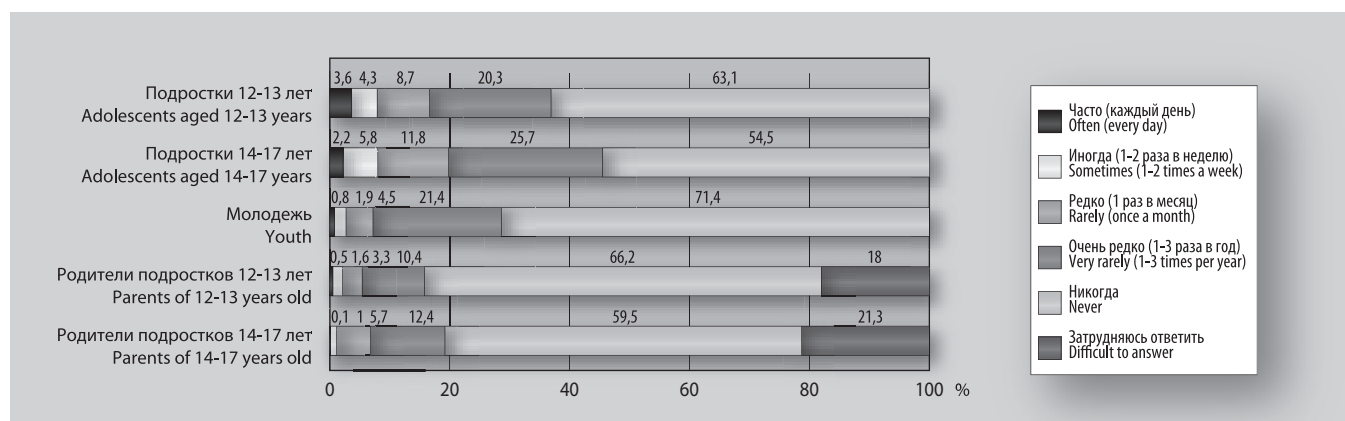

Рис. 13. Частота столкновения с кибербуллингом, %

Fig. 13. Frequency of encounter with cyberbullying, %

с другими ситуациями киберагрессии, столкновение с группами ненависти – относительно редкое событие, тем не менее, каждый шестой подросток встречается с кибербуллингом в такой опасной и травматичной форме хотя бы раз в месяц (рис. 13). Как и в предыдущих случаях, риск по-

падения в такие ситуации немного выше у старших подростков, а родители в целом недооценивают риск кибербуллинга в жизни своих детей.

Кибербуллинг в таком виде оказывается наиболее эмоционально значимым событием – и подростки, и молодые люди

говорят о крайне сильной или сильной эмоциональной реакции почти в половине случаев (рис. 14). При такой крайней эмоциональной значимости даже редкие столкновения с кибербуллингом могут быть важным и драматичным событием, а уже в возрасте 12–13 лет с кибербул-

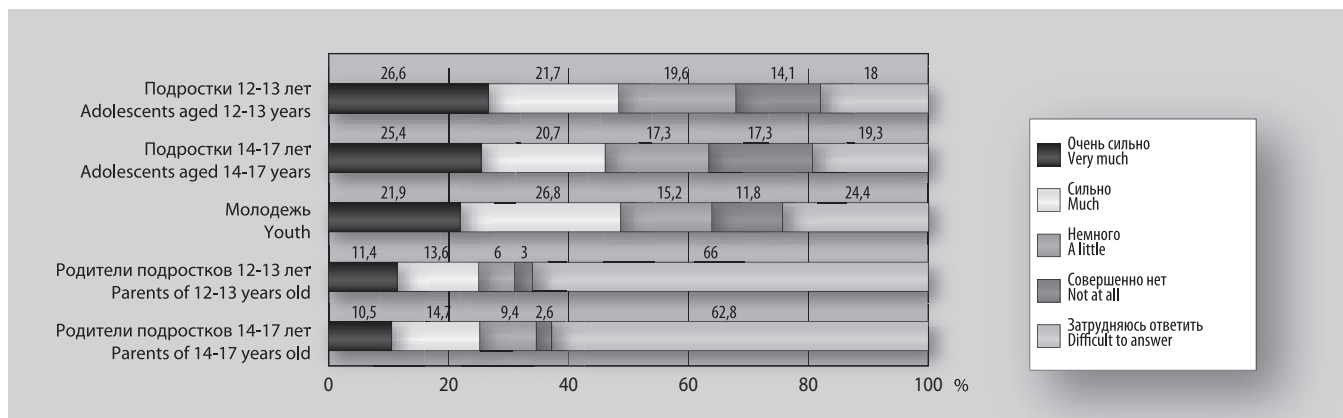

Рис. 14. Эмоциональная реакция на кибербуллинг – ответы на вопрос: «Насколько сильно расстроился бы, если бы попал в ситуацию кибербуллинга (группы ненависти) в роли «жертвы», %

Fig. 14. Emotional reaction to cyberstalking: how badly would you be upset if you got into the situation of cyberbullying (hate groups) as a "victim", %

лингом знаком каждый третий подросток.

Как и в предыдущих случаях, родители чаще всего не дают четкий ответ на вопрос об эмоциональной значимости для их детей кибербуллинга, создавая «зону неопределенности» между действительными реакциями подростков и возможными превентивными действиями их близких.

Гендерные особенности столкновения с ситуациями киберагрессии

В 12–13 лет опыт столкновения с разными видами киберагрессии практически одинаков у юношей и девушек – флейминг, троллинг и хейтинг знаком каждому второму подростку, а киберсталкинг и кибербуллинг – одному из трех-четырех. К 14 годам в опыт юношей и девушек приобретает различия – девушки немного чаще (хотя величина статистического эффекта мала) сталкиваются с троллингом и киберсталкингом, а юноши – с хейтингом. Среди молодежи и троллинг, и кибербуллинг вновь становятся более редким явлением, а с хейтингом юноши и девушки сталкиваются одинаково часто. Иными словами, в юношеском возрасте сохраняются лишь очевидные гендерные различия по киберсталкингу – девушки сталкиваются с преследованиями онлайн чаще, чем юноши (табл. 4).

Гендерные различия по частоте столкновения с флеймингом и хейтингом отмечаются только в старшем подростковом возрасте – среди подростков 14–17 лет девушки попадают в такие ситуации

Табл. 4. Опыт столкновения с разными видами киберагрессии у юношей и девушек

Опыт столкновения с киберагрессией		Флейминг	Троллинг	Хейтинг	Киберсталкинг	Кибербуллинг
Подростки 14-17 лет	Юноши	63.0%	60.3%	58.9%	37.4%	46.5%
	Девушки	65.1%	68.1%	51.2%	45.3%	43.9%
	χ^2 Пирсона	0.47	6.53*	5.99*	5.70*	0.67
	Стат. эффект V Крамера	0.02	0.08	0.08	0.08	0.03
Подростки 12-13 лет	Юноши	49.8%	56.8%	49.4%	28.3%	32.3%
	Девушки	51.8%	58.0%	47.3%	30.4%	39.6%
	χ^2 Пирсона	0.21	0.07	0.22	0.26	2.87
	Стат. эффект V Крамера	0.02	0.01	0.02	0.02	0.07
Молодежь	Юноши	69.6%	49.0%	53.5%	26.7%	30.7%
	Девушки	69.0%	42.4%	50.3%	35.9%	24.2%
	χ^2 Пирсона	0.03	3.12	0.71	6.89**	3.79
	Стат. эффект V Крамера	0.01	0.07	0.03	0.10	0.07

* – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$.

Table 4. Experience of facing various types of cyber aggression in males and females

Experience of encountering cyberaggression		Flaming	Trolling	Cyberhate	Cyberstalking	Cyberbullying
Adolescents aged 14-17 years	Male	63.0%	60.3%	58.9%	37.4%	46.5%
	Female	65.1%	68.1%	51.2%	45.3%	43.9%
	Pearson χ^2	0.47	6.53*	5.99*	5.70*	0.67
	Cramer's V	0.02	0.08	0.08	0.08	0.03
Adolescents aged 12-13 years	Male	49.8%	56.8%	49.4%	28.3%	32.3%
	Female	51.8%	58.0%	47.3%	30.4%	39.6%
	Pearson χ^2	0.21	0.07	0.22	0.26	2.87
	Cramer's V	0.02	0.01	0.02	0.02	0.07
Youth	Male	69.6%	49.0%	53.5%	26.7%	30.7%
	Female	69.0%	42.4%	50.3%	35.9%	24.2%
	Pearson χ^2	0.03	3.12	0.71	6.89**	3.79
	Cramer's V	0.01	0.07	0.03	0.10	0.07

* – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$.

чуть реже, чем юноши ($\chi^2=10,52-20,20$, $p < 0,05$, $V=0,09-0,14$). Это верно и для ситуации кибербуллинга – судя по ответам как подростков 14-17 лет, так и молодежи, девушки сталкиваются с кибербуллингом

реже, чем юноши ($\chi^2=10,32-10,77$, $p < 0,05$, $V=0,10-0,12$). При этом в 14–17 лет и юношеском возрасте чаще расстраиваются из-за флейминга и хейтинга именно девушки ($\chi^2=23,84-29,90$, $p < 0,01$, $V=0,16-0,20$).

Киберагрессия как вид агрессии – системное социальное явление, имеющее в своей основе схожие с агрессией в реальной жизни характеристики и механизмы. Прежде всего это касается причин агрессии, ее содержания, ролевой структуры, особенностей эмоциональных реакций. В то же время киберагрессия имеет значительные отличия от офлайн-агрессии

Девушки и юноши одинаково часто сталкиваются с ситуацией троллинга онлайн. Среди подростков 14–17 лет и молодежи девушки чаще имеют редкий или очень редкий опыт попадания в ситуацию киберсталкинга (от раза в месяц до раза в год), а юноши либо сталкиваются с этой ситуацией чаще, либо – никогда ($\chi^2=12,42-15,79$, $p<0,05$, $V=0,13$). Как из-за троллинга, так и из-за киберсталкинга и кибербуллинга девушки расстраиваются сильнее, чем юноши – это верно и для подростков (12–13 и 14–17 лет), и для молодежи ($\chi^2=19,01-67,21$, $p<0,01$, $V=0,16-0,30$).

Среди всех поколений именно подростки, особенно старшие, находятся в зоне риска по интенсивности столкновения с онлайн-агрессией. Большинство подростков имеют опыт столкновения с несколькими видами киберагрессии, чаще всего с флеймингом, троллингом и хейтингом, несколько реже – с кибербуллингом и киберсталкингом

Отметим, что родители девочек, по сравнению с родителями мальчиков, считают, что те чаще сталкивались с флеймингом, хотя на деле закономерность обратная ($\chi^2=12,05$, $p<0,05$, $V=0,13$). От пола самих родителей их общие представления о столкновении детей с киберагрессией практически не зависят. Единственное полученное различие касается столкновения с ситуацией собственно кибербуллинга. Отцы говорят, что их ребенок сталкивался с кибербуллингом чаще, по сравнению с матерями ($\chi^2=4,05$, $p<0,05$, $V=0,06$) – 39,7% отцов и 32,4% матерей ответили, что их ребенок попал в такую ситуацию.

Выводы

Пальму первенства по силе и частоте переживания враждебных, болезненных

Частота столкновения с агрессией не является основным поводом для беспокойства. Ведь агрессивные проявления – часть процесса взросления и социализации. Важен тот эмоциональный след (как сильно и как долго переживается то или иное событие), которые оставляет участие в таких ситуациях

и неприятных ситуаций представители всех поколений безоговорочно отдают реальному миру. Но интернет приобретает все больше признаков реального мира – он начинает приближаться по показателям агрессии к офлайну.

Многие психологи и социологи, изучающие особенности общения в подростковой среде в обычной жизни, приходят к выводу, что агрессия в межличностных коммуникациях, к сожалению, остается некой нормой взаимодействия (Собкин, Маркина, 2009). Киберагрессия как вид агрессии – системное социальное явление, имеющее в своей основе схожие с

агрессией в реальной жизни характеристики и механизмы. Прежде всего это касается причин агрессии, ее содержания, ролевой структуры, особенностей эмоциональных реакций. В то же время киберагрессия имеет значительные отличия от офлайн-агрессии. Она имеет другие пространственно-временные характеристики – киберагрессия трансгранична (может «настигнуть» практически в любом месте физического пространства) и «круглосуточна», хотя ее можно «отключить». Размер аудитории киберагрессии может широко варьироваться – он может различаться по целевому выбору участников (распространение среди специально выбранного круга людей), а может и охватывать в целом более широкую аудиторию. Кроме того, для распространения киберагрессии и реагирования на нее используются технические возможности и способы организации общения в се-

тях, специфические онлайн-«упаковки» (например, доминирующая у подростков визуально-образная: мемы, фото, видео и др.) и особые способы совладания.

Киберагрессия становится распространенным видом деструктивного поведения в сети. Среди всех поколений именно подростки, особенно старшие, находятся в зоне риска по интенсивности столкновения с онлайн-агрессией. Большинство подростков имеют опыт столкновения с несколькими видами киберагрессии, чаще всего с флеймингом, троллингом и хейтингом, несколько реже – с кибербуллингом и киберсталкингом. Молодые люди чаще остальных сталкиваются с флеймингом, реже с хейтингом и троллингом. В течение недели с флеймингом сталкивается треть подростков, с троллингом – каждый пятый, а с хейтингом – каждый шестой. Каждый пятый подросток сталкивается с наиболее опасными видами киберагрессии – киберсталкингом и группами ненависти (формой кибербуллинга) – не реже раза в месяц. То есть, частота столкновения с различными видами онлайн-агрессии, особенно среди подрастающего поколения, достаточно высокая.

Частота столкновения с агрессией не является основным поводом для беспокойства. Ведь агрессивные проявления – часть процесса взросления и социализации. Важен тот эмоциональный след (как сильно и как долго переживается то или иное событие), которые оставляет участие в таких ситуациях. Наименее эмоционально значимой оказалась ситуация флейминга, чуть больше расстраиваются из-за хейтинга. Троллинг вызывает сильные переживания у каждого третьего представителя молодежи и подростков, особенно болезненно его переживают младшие подростки. Агрессивные перепалки и необоснованное выражение ненависти онлайн задевает меньше из-за своей спорадичности, примитивности и обезличенности форм, в то время как троллинг сильнее нарушает личностные границы, он более «персонализирован» и направлен на слабые места человека. Каждый пятый подросток сильно расстраивается, столкнувшись с киберсталкингом, среди взрослых молодых людей эти реакции выражены еще в большей мере. В связи с высоким доверием и открытостью ко встречам с онлайн-незнакомцами подростков кибер-

сталкинг как форма агрессии вызывает особое беспокойство. При этом осознание опасности и возможных последствий, видимо, появляется только по мере взросления. Важно отметить также, что оценки родителей распространенности столкновения с онлайн-преследованием среди своих детей значительно занижены, что делает эту ситуацию еще более тревожной и неконтролируемой. Кибербуллинг (группы ненависти) оказывается наиболее эмоционально значимым событием – и подростки, и молодые люди говорят о крайне острой эмоциональной реакции почти в половине случаев. При этом неосведомленность родителей об опыте столкновения с киберагрессией у детей и об остроте их переживания таких ситуаций снижает возможность оказания ими соответствующей поддержки.

Таким образом, столкновение с киберагрессией является частью цифровой социализации, так же как столкновение с агрессией – естественная составляющая «офлайн»-социализации. Однако, если в офлайн-пространстве в ходе длительного и далеко не линейного процесса складывались нормы, правила и формы поведения, способствующие гармоничному сосуществованию множества людей, то

Распространенность различных видов киберагрессии и степень эмоциональной реакции на них требует выработки дифференцированных подходов как к профилактике разнообразных ситуаций киберагрессии, так и к конструированию специфических стратегий совладания при столкновении с ними

онлайн-мир делает только первые шаги по направлению к формированию цифровой культуры поведения. При этом выработка таких норм, хотя и переключается с реальностью, имеет свою специфику. Это отражается и в ситуациях киберагрессии.

Распространенность различных видов киберагрессии и степень эмоциональной реакции на них требует выработки дифференцированных подходов как к профилактике разнообразных ситуаций киберагрессии, так и к конструированию специфических стратегий совладания при столкновении с ними. К общим условиям успешной реализации таких подходов можно отнести повышение осведомленности взрослых (родителей, учителей) о различных видах киберагрессии, о способах их профилактики и поддержки детей, развитие эмоционального и социального интеллектов у детей, формирование коммуникативной и конфликтной компетентности подрастающего поколения, повышение цифровой грамотности как

основы реализации технических способов профилактики и совладания с онлайн-рисками.

Информация о грантах и благодарностях

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 20-013-00857 «Социокультурные и личностные предикторы деструктивного и аутодеструктивного поведения в интернете у подростков и молодежи».

Acknowledgments

Research was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project 20-013-00857 "Socio-cultural and personal predictors of destructive and self-destructive behavior on the Internet in adolescents and youth".

Литература:

- Бандура А., Уотерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. – Москва : Апрель Пресс, 2000. – 508 с. ISBN 5-04-004214-0.
- Бочавер А., Холмов К. Кибербуллинг: Травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 177–191.
- Булатова Е.И. Сетевые коммуникативные стратегии: троллинг // Вестник СПбГУК. – 2017. – Т. 31. – №2 (31). – С. 75–78.
- Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмурдского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – 2012. – № 1. – С. 48–51.
- Выготский Л.С. Проблемы развития психики. – Москва : Педагогика, 1982. – 368 с.
- Григорян Л.К., Горинова Е.В. Факторный опрос: преимущества, область применения, практические рекомендации // Социальная психология и общество. – 2016. – Т. 7. – № 2. – С. 142–157. doi:10.17759/sps.2016070210.
- Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности. – Санкт-Петербург, 1996. – 347 с.
- Собкин В.С., Маркина О.С. Влияние опыта переживания «школьной травли» на понимание подростками фильма «Чучело» [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. – 2009. – Т. 6. – № 1. – С. 48–57. : [сайт]. URL: https://psjournals.ru/vestnik_psyobr/2009/n1/28271.shtml – (дата обращения: 09.08.2020)
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. – Москва : Смысл, 2017. – 375 с. ISBN 978-5-89357-363-3.
- Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Дренева А.А., Илюхина С.Н. Мы в ответе за цифровой мир: профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете : учебно-методическое пособие. – Москва : Когито-Центр, 2019. – 176 с. ISBN 978-5-89353-588-4.
- Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 71–80. doi:10.17759/sps.2018090308.
- Солдатова Г.У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. – 2019. – Т. 35. – № 3(35). – С. 17–31. doi: 10.11621/npj.2019.0303
- Alonzo M., Aiken M. (2004). Flaming in electronic communication. *Decision Support Systems*, 36, 205–213. doi: 10.1016/S0167-9236(02)00190-2
- Aricak O.T., Ozbay A. (2016). Investigation of the relationship between cyberbullying, cybervictimization, alexithymia and anger expression styles among adolescents. *Computers in Human Behavior*, 55, 278–285. doi: 10.1016/j.chb.2015.09.015

- Bauman S., Underwood M.K., Card N. (2013). Definitions: Another perspective and a proposal for beginning with cyberaggression. In: Bauman S., Walker J., Cross D. (eds.). *Principles of cyberbullying research: Definitions, measures, and methodology*. New York, NY: Routledge, 41–46. doi: 10.4324/9780203084601
- Blaya C., Audrin C. (2019). Toward an Understanding of the Characteristics of Secondary School Cyberhate Perpetrators. *Frontiers in Education*, 4, Article 46. doi: 10.3389/educ.2019.00046
- Buckels E.E., Trapnell P.D., Andjelovic T., Paulhus D.L. (2019). Internet trolling and everyday sadism: Parallel effects on pain perception and moral judgment. *Journal of Personality*, 87, 328–340. doi:10.1111/jopy.12393
- Celik S. (2019). Experiences of internet users regarding cyberhate. *Information Technology & People*, 6, 1446–1471. doi:10.1108/itp-01-2018-0009
- Costello M., Rukus J., Hawdon J. (2019). We don't like your type around here: Regional and residential differences in exposure to online hate material targeting sexuality. *Deviant Behavior*, 40(3), 385–401. doi: 10.1080/01639625.2018.1426266
- Craker N., March E. (2016). The dark side of Facebook*: The dark tetrad, negative socialpotency, and trolling behaviours. *Personality and Individual Differences*, 102, 79–84. doi: 10.1016/j.paid.2016.06.043
- Dynel M. (2016). "Trolling is not stupid": Internet trolling as the art of deception serving entertainment. *Intercultural Pragmatics*, 13(3), 353–381. doi: 10.1515/ip-2016-0015
- Grigg D.W. (2010). Cyber-Aggression: Definition and Concept of Cyberbullying. // *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*, 20(2), 143–156. doi: 10.1375/ajgc.20.2.143
- Hawdon J., Oksanen A., Räsänen P. (2017). Exposure to online hate in four nations: A cross-national consideration. *Deviant Behavior*, 38(3), 254–266. doi: 10.1080/01639625.2016.1196985
- Heirman W., Walrave M. (2008). Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2(2), Article 1. Available at: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4214/3256> (accessed 04.08.2020).
- Jasso G. (2006). Factorial Survey Methods for Studying Beliefs and Judgments. *Sociological Methods & Research*, 34(3), 334–423. doi: 10.1177/0049124105283121
- Johnson N. A., Cooper R. B., Chin W. W. (2009). Anger and flaming in computer-mediated negotiation among strangers. *Decision Support Systems*, 46, 660–672. doi: 10.1016/j.dss.2008.10.008
- Kowalski R. M., Giumetti G. W., Schroeder A. N., Lattanner M. R. (2014). Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin*, 140(4), 1073–1137. doi:10.1037/a0035618
- March E., Grieve R., Marrington J., Jonason P.K. (2017). Trolling on Tinder* (and other dating apps): Examining the role of the dark tetrad and impulsivity. *Personality and Individual Differences*, 110, 139–143. doi:10.1016/j.paid.2017.01.025
- March E., Litten V., Sullivan D.H., Ward L. (2020). Somebody that I (used to) know: Gender and dimensions of dark personality traits as predictors of intimate partner cyberstalking. *Personality and Individual Differences*, 163, 110084. doi:10.1016/j.paid.2020.110084
- Marcum C.D. (2017). Crossing boundaries online in romantic relationships: An exploratory study of the perceptions of impact on partners by cyberstalking offenders. *Deviant Behavior*, 39, 716–731. doi: 10.1080/01639625.2017.1304801
- Martínez-Monteagudo M.C., Delgado B., García-Fernández J.M., Rubio E. (2019). Cyberbullying, Aggressiveness, and Emotional Intelligence in Adolescence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(24), 5079. doi: 10.3390/ijerph16245079
- McFarlane L., Bocij P. (2003). An exploration of predatory behaviour in cyberspace: Towards a typology of cyberstalkers// *First Monday*, 8(9). doi: 10.5210/fm.v8i9.1076
- Menesini E., Nocentini A., Palladino B. E., Frisén A., Berne S., Ortega-Ruiz R., ... Smith P. K. (2012). Cyberbullying definition among adolescents: a comparison across six European countries. *Cyberpsychology, behavior, and social networking*, 15(9), 455–463. doi: 10.1089/cyber.2012.0040
- O'Sullivan P. B., Flanagan A. J. (2003). Reconceptualizing 'flaming' and other problematic messages. *New Media & Society*, 5(1), 69–94. doi: 10.1177/1461444803005001908
- Panumaporn J., Hongsanguansri S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. (2020). Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying. *General Psychiatry*, 33(3), e100187. doi:10.1136/gpsych-2019-100187
- Patchin J.W., Hinduja S. (2006). Bullies Move Beyond the Schoolyard. A Preliminary Look at Cyberbullying. *Youth Violence and Juvenile Justice*, 4(2), 148–169. doi: 10.1177/1541204006286288
- Reichelmann A., Hawdon J., Costello M., Ryan J., Blaya C., Llorent V., Oksanen A., Räsänen P., Zych I. (2020). Hate Knows No Boundaries: Online Hate in Six Nations. *Deviant Behavior*, 1–12. doi:10.1080/01639625.2020.1722337
- Sest N., March E. (2017). Constructing the cyber-troll: Psychopathy, sadism, and empathy. *Personality and Individual Differences*, 119, 69–72. doi: 10.1016/j.paid.2017.06.038
- Sheldon P., Rauschnabel P.A., Honeycutt J. M. (2019). Cyberstalking and Bullying. *The Dark Side of Social Media*, 43–58. doi:10.1016/b978-0-12-815917-0.00003-4
- Smith P.K., Mahdavi J., Carvalho M., Fisher S., Russell S., Tippett N. (2008). Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 49(4), 376–385. doi:10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x
- Spitzberg B.H., Hoobler G. (2002). Cyberstalking and the technologies of interpersonal terrorism. *New Media & Society*, 4(1), 71–92. doi:10.1177/14614440222226271
- Tokunaga R.S. (2010). Following you home from school: A critical review and synthesis of research of cyberbullying victimization. *Computers in Human Behavior*, 26(3), 277–287. doi:10.1016/j.chb.2009.11.014
- Voggeser B.J., Singh R.K., Göritz A.S. (2018). Self-control in Online Discussions: Disinhibited Online Behavior as a Failure to Recognize Social Cues. *Frontiers in Psychology*, 8:2372. doi: 10.3389/fpsyg.2017.02372
- Wachs S., Gámez-Guadix M., Wright M.F., Görzig A., Schubarth W. (2020). How do adolescents cope with cyberhate? Psychometric properties and socio-

- demographic differences of a coping with cyberhate scale. *Computers in Human Behavior*, 104, 106167. doi: 10.1016/j.chb.2019.106167
- Wachs S., Wright M. (2018). Associations between bystanders and perpetrators of online hate: The moderating role of toxic online disinhibition. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(9), 2030. doi: 10.3390/ijerph15092030
- Wachs S., Wright M.F. (2019). The Moderation of Toxic Online Disinhibition and Sex on the Relationship between Online Hate Victimization and Perpetration. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 22(5), 300–306. doi: 10.1089/cyber.2018.0551
- Wright M., Wachs S. (2020). Adolescents' Cyber Victimization: The Influence of Technologies, Gender, and Gender Stereotype Traits. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(4), 1293. doi:10.3390/ijerph17041293
- Zimmerman A.G., Ybarra G. J. (2016). Online aggression: The influences of anonymity and social modeling. *Psychology of Popular Media Culture*, 5(2), 181–193. doi: 10.1037/ppm0000038
- Zych I., Ortega-Ruiz R., Marín-López I. (2016). Cyberbullying: a systematic review of research, its prevalence and assessment issues in Spanish studies. *Psicologia Educativa*, 22, 5–18. doi: 10.1016/j.pse.2016.03.002

References

- Alonzo M., Aiken M. (2004). Flaming in electronic communication. *Decision Support Systems*, 36, 205–213. doi: 10.1016/S0167-9236(02)00190-2
- Aricak O.T., Ozbay A. (2016). Investigation of the relationship between cyberbullying, cybervictimization, alexithymia and anger expression styles among adolescents. *Computers in Human Behavior*, 55, 278–285. doi: 10.1016/j.chb.2015.09.015
- Bandura A., Walters R. (2000). Adolescent aggression. Study of the influence of education and family relations. Moscow, April Press, 508 p. (In Russ.)
- Bauman S., Underwood M. K., Card N. (2013). Definitions: Another perspective and a proposal for beginning with cyberaggression. In: Bauman S., Walker J., Cross D. (eds.). *Principles of cyberbullying research: Definitions, measures, and methodology*. New York, NY: Routledge, 41–46. doi: 10.4324/9780203084601
- Blaya C., Audrin C. (2019). Toward an Understanding of the Characteristics of Secondary School Cyberhate Perpetrators. *Frontiers in Education*, 46(46). doi: 10.3389/educ.2019.00046
- Bochaver A., K. Kholmov K. (2014). Cyberbullying: Traffic in the Space of Modern Technologies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(3), 177–191. (In Russ.)
- Buckels E.E., Trapnell P.D., Andjelovic T., Paulhu D.L. (2019). Internet trolling and everyday sadism: Parallel effects on pain perception and moral judgment. *Journal of Personality*, 87, 328–340. doi:10.1111/jopy.12393
- Bulatova E.I. (2017). Network communication strategies: trolling. *Vestnik SPbGUK*, 31(2), 75–78.
- Celik S. (2019). Experiences of internet users regarding cyberhate. *Information Technology & People*, 6, 1446–1471. doi:10.1108/itp-01-2018-0009
- Costello M., Rukus J., Hawdon J. (2019). We don't like your type around here: Regional and residential differences in exposure to online hate material targeting sexuality. *Deviant Behavior*, 40(3), 385–401. doi: 10.1080/01639625.2018.1426266
- Craker N., March E. (2016). The dark side of Facebook*: The dark tetrad, negative socialpotency, and trolling behaviours. *Personality and Individual Differences*, 102, 79–84. doi: 10.1016/j.paid.2016.06.043
- Dynel M. (2016). "Trolling is not stupid": Internet trolling as the art of deception serving entertainment. *Intercultural Pragmatics*, 13(3), 353–381. doi: 10.1515/ip-2016-0015
- Grigg D.W. (2010). Cyber-Aggression: Definition and Concept of Cyberbullying. // *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*, 2010, 20(2), 143–156. doi: 10.1375/ajgc.20.2.143
- Grigoryan L.K., Gorinova E.V. (2016). Factorial survey: advantages, scope, practical recommendations. *Social psychology and society*, 7(2), 142–157. (In Russ.) doi:10.17759/sps.2016070210
- Hawdon J., Oksanen A., Räsänen P. (2017). Exposure to online hate in four nations: A cross-national consideration. *Deviant Behavior*, 38(3), 254–266. doi: 10.1080/01639625.2016.1196985
- Heirman W., Walrave M. (2008). Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2(2), Article 1. Available at: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4214/3256> (accessed 04.08.2020).
- Jasso G. (2006). Factorial Survey Methods for Studying Beliefs and Judgments. *Sociological Methods & Research*, 34(3), 334–423. doi: 10.1177/0049124105283121
- Johnson N. A., Cooper R. B., Chin W. W. (2009). Anger and flaming in computer-mediated negotiation among strangers. *Decision Support Systems*, 46, 660–672. doi: 10.1016/j.dss.2008.10.008
- Kowalski R. M., Giumetti G. W., Schroeder A. N., Lattanner M. R. (2014). Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin*, 140(4), 1073–1137. doi:10.1037/a0035618
- March E., Grieve R., Marrington J., Jonason P.K. (2017). Trolling on Tinder® (and other dating apps): Examining the role of the dark tetrad and impulsivity. *Personality and Individual Differences*, 110, 139–143. doi:10.1016/j.paid.2017.01.025
- March E., Litten V., Sullivan D. H., Ward L. (2020). Somebody that I (used to) know: Gender and dimensions of dark personality traits as predictors of intimate partner cyberstalking. *Personality and Individual Differences*, 163, 110084. doi:10.1016/j.paid.2020.110084
- Marcum C.D. (2017). Crossing boundaries online in romantic relationships: An exploratory study of the perceptions of impact on partners by cyberstalking offenders. *Deviant Behavior*, 39, 716–731. doi: 10.1080/01639625.2017.1304801
- Martínez-Monteagudo M. C., Delgado B., García-Fernández J. M., Rubio E. (2019). Cyberbullying, Aggressiveness, and Emotional Intelligence in Adolescence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(24), 5079. doi: 10.3390/ijerph16245079
- McFarlane L., Bocij P. (2003). An exploration of predatory behaviour in cyberspace: Towards a typology of cyberstalkers // *First Monday*, 8(9). doi: 10.5210/fm.v8i9.1076
- Menesini E., Nocentini A., Palladino B.E., Frisén A., Berne S., Ortega-Ruiz R., ... Smith P. K. (2012) Cyberbullying definition among adolescents: a

- comparison across six European countries. *Cyberpsychology, behavior, and social networking*, 15(9), 455–463. doi: 10.1089/cyber.2012.0040
- O'Sullivan P.B., Flanagan A.J. (2003). Reconceptualizing 'flaming' and other problematic messages. *New Media & Society*, 5(1), 69–94. doi: 10.1177/1461444803005001908
- Panumaporn J., Hongsanguansri S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. (2020). Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying. *General Psychiatry*, 33(3), e100187. doi: 10.1136/gpsych-2019-100187
- Patchin J.W., Hinduja S. (2006). Bullies Move Beyond the Schoolyard. A Preliminary Look at Cyberbullying. *Youth Violence and Juvenile Justice*, 4(2), 148–169. doi: 10.1177/1541204006286288
- Rean A.A. (1996). Aggression and aggressiveness of personality. St. Petersburg, 347 p. (In Russ.)
- Reichmann A., Hawdon J., Costello M., Ryan J., Blaya C., Llorent V., Oksanen A., Räsänen P., Zych I. (2020). Hate Knows No Boundaries: Online Hate in Six Nations. *Deviant Behavior*, 1–12. doi:10.1080/01639625.2020.1722337
- Sest N., March E. (2017). Constructing the cyber-troll: Psychopathy, sadism, and empathy. *Personality and Individual Differences*, 119, 69–72. doi: 10.1016/j.paid.2017.06.038
- Sheldon P., Rauschnabel P.A., Honeycutt J.M. (2019). Cyberstalking and Bullying. *The Dark Side of Social Media*, 43–58. doi:10.1016/b978-0-12-815917-0.00003-4
- Smith P.K., Mahdavi J., Carvalho M., Fisher S., Russell S., Tippett N. (2008). Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 49(4), 376–385. doi:10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x
- Sobkin V.S., Markina O.S. (2009). Influence of experience of «school bullying» on understanding by teenagers of the film «Scarecrow». *Bulletin of practical psychology of education*, 6(1), 48–57. Available at: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2009/n1/28271.shtml (accessed 09.08.2020). (In Russ.)
- Soldatova G. U., Chigarkova S. V., Dreneva A., Ilyukhina S. N. We are responsible for the digital world: Preventing destructive behavior of adolescents and youth on the Internet: Training and methodological manual. Moscow, Kogito-Center, 176 p. (In Russ.)
- Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Nestik T. A. (2017). The digital generation of Russia: competence and safety. Moscow, Smysl, 375 p. (In Russ.)
- Soldatova G.U. (2018). Digital socialization in cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Social psychology and society*, 9(3), 71–80. doi:10.17759/sp.2018090308 (In Russ.)
- Soldatova G.U., Yarmina A.N. (2019). Cyberbullying: features, role structure, child-paternal relations and strategies of conjoining. *National Psychological Journal*, 35(3), 17–31. doi: 10.11621/npj.2019.0303 (In Russ.)
- Spitzberg B.H., Hoobler G. (2002). Cyberstalking and the technologies of interpersonal terrorism. *New Media & Society*, 4(1), 71–92. doi:10.1177/14614440222226271
- Tokunaga R.S. (2010). Following you home from school: A critical review and synthesis of research of cyberbullying victimization. *Computers in Human Behavior*, 26(3), 277–287. doi:10.1016/j.chb.2009.11.014
- Vnebrachnyh R.A. (2012). Trolling as a form of social aggression in virtual communities. *Bulletin of Udmurt University. Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogy*, 1, 48–51. (In Russ.)
- Voggeser B.J., Singh R.K., Göriz A.S. (2018). Self-control in Online Discussions: Disinhibited Online Behavior as a Failure to Recognize Social Cues. *Frontiers in Psychology*, 8:2372. doi: 10.3389/fpsyg.2017.02372
- Vygotsky L.S. (1982). Problems of development of psyche. Moscow, Pedagogy, 368 p. (In Russ.)
- Wachs S., Gámez-Guadix M., Wright M.F., Görzig A., Schubarth W. (2020). How do adolescents cope with cyberhate? Psychometric properties and socio-demographic differences of a coping with cyberhate scale. *Computers in Human Behavior*, 104, 106167. doi: 10.1016/j.chb.2019.106167
- Wachs S., Wright M.F. (2019). The Moderation of Toxic Online Disinhibition and Sex on the Relationship between Online Hate Victimization and Perpetration. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 22(5), 300–306. doi: 10.1089/cyber.2018.0551
- Wachs S., Wright M. (2018). Associations between bystanders and perpetrators of online hate: The moderating role of toxic online disinhibition. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(9), 2030. doi: 10.3390/ijerph15092030
- Wright M.F., Wachs, S. (2020). Adolescents' Cyber Victimization: The Influence of Technologies, Gender, and Gender Stereotype Traits. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(4), 1293. doi:10.3390/ijerph17041293
- Zimmerman A.G., Ybarra G.J. (2016). Online aggression: The influences of anonymity and social modeling. *Psychology of Popular Media Culture*, 5(2), 181–193. doi: 10.1037/ppm0000038
- Zych I., Ortega-Ruiz R., Marín-López I. (2016). Cyberbullying: a systematic review of research, its prevalence and assessment issues in Spanish studies. *Psicologia Educativa*, 22, 5–18. doi: 10.1016/j.pse.2016.03.002